

● АЛЕКСАНДР ЯШИН. «ВМЕСТЕ С ПРИШВИНЫМ»*

Энергия добра и красоты

После Михаила Пришвина, своеобразнейшего русского писателя, осталось богатое рукописное наследство. «На мелких разрозненных листочках из карманных блокнотов бисерным почерком то карандашом, то самопиской занесены мысли, наблюдения, сюжеты, образы. Делалось это в далеких путешествиях, на охоте, на рыбалке, часто на ходу, а то сидя в какой-нибудь колодинке, на пеньке. Бисером—слово к слову, росинка к росинке, птица к птице, травинка к травинке». Так писал Александр Яшин, близко знавший М. М. Пришвина в его последние годы, в своих записях-воспоминаниях, веря, что «не одно человеческое поколение еще будет благодарно падать к этой драгоценной живой воде,

утолять ею свою духовную жажду, вспоминая добром великого жизнелюбца.

Крупные, немногословные страницы яшинских лирических новелл живо воссоздают образ этого жизнелюбца, помогая понять духовные ценности, оставленные им людям.

На пороге своего пятидесятилетия писал А Яшин о событиях почти десятилетней давности. О той поре, когда сам он не создал еще ни «Сироты», ни «Совести», а М. Пришвин уже завершал свой жизненный путь. И обращение к образу старого писателя-мудреца не было случайным. У него многому научился сам Александр Яшин: прежде всего—видеть мир внимательными прежде всего—видеть мир внимательными, добрыми глазами.

«Так я понимаю природу,—писал М. М. Пришвин,—как зеркало души человека: и зверю, и птице, и траве, и облаку только

человек дает свой образ и смысл».

«Очеловечивают» природу люди по-разному. Одни—набираясь от нее добра и красоты. Другие.... А. Яшин вспоминает знакомого мужика, который, где бы ни ходил, все вверх глядел—езде «вилы» искал и умел находить, хотя «надо оглядеть сотни, тысячи березовых вершинок в небе, чтобы обнаружить одну трехрогую или четырехрогую, из которой могут получиться настоящие добротные сенные вилы». Добрый это мужик, работающий, и А. Яшин не издевается над ним, хотя и усмешлив: конечно же, вилы в крестьянском хозяйстве нужны. Но он жалеет мужика, как и Пришвин: ничего, кроме вил, мужик не видел, и не открылась ему красота родной земли. А Пришвин, по словам Яшина, «видел и небо, и землю, всю глубину леса с его многонаселенностью, и все луговое многообразие, каждое зернышко в колосе, и каждую ты-

чинку в соцветии, и никогда ни к чему живому не был равнодушен».

Связанный старостью и болезнью, Михаил Михайлович не выходил уже никуда, кроме как на балкон дома на Лаврушинском переулке: последняя тропинка старого писателя. Но и эта тропинка соединяла его с широким многокрасочным миром. «С годами,—писал А. Яшин,—и я перестал видеть, что она за балконной решеткой короткая и узкая.

Она—широкая и уходит далеко-далеко, через Дунино и Загорск, через мою Вологду, откуда Пришвин начинал свое первое путешествие в края непуганых птиц, к карельским озерам,—бежит она в приморские дебри, где растет жень-шень, и быллинному Китеж-граду, к животворным родникам Берендея, в гущу народную, к тем, кто работает на земле и в лесах, и сказки сказывает, и песни поет, и на ком вся земля держится,—к людям, к людям...»

У Михаила Пришвина учился постигать красоту родной земли Александр Яшин. Мы у него учимся. Так и передается из поколения в поколение эстафета любви к родине.

В. ОБОТУРОВ.

* Впервые этот цикл повелл был опубликован в газете «Вологодский комсомолец» (декабрь 1970—февраль 1971 г.) и в журнале «Человек современник» № 4, 1971 г.